

Максим Горький

**Приложение к
«Несвоевременным мыслям»**

Максим Горький

Приложение к

«Несвоевременным мыслям»

«Public Domain»

Горький М.

Приложение к «Несвоевременным мыслям» / М. Горький —
«Public Domain»,

«...На фронте происходит братание немецких солдат с русскими, я думаю, что это вызвано не только физическим утомлением, но и проснувшимся в людях чувством отвращения к бессмысленной бойне. Не буду говорить о том, что отблеск пламени русской революции не мог не зажечь ярких надежд в груди немецкого солдата. Может быть, факты братания врагов количественно ничтожны, это отнюдь не умаляет их морального, культурного значения. Да, очевидно, что проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т. е. демократии...»

Содержание

О полемике	6
Кошмар	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Горький Максим Приложение к «Несвоевременным мыслям»

* * *

«Новая Жизнь» № 3, 21 апреля (4 мая) 1917 г.

На фронте происходит братание немецких солдат с русскими, я думаю, что это вызвано не только физическим утомлением, но и проснувшимся в людях чувством отвращения к бессмысленной бойне. Не буду говорить о том, что отблеск пламени русской революции не мог не зажечь ярких надежд в груди немецкого солдата.

Может быть, факты братания врагов количественно ничтожны, это отнюдь не умаляет их морального, культурного значения. Да, очевидно, что проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т. е. демократии.

Если это будет – это будет нечто небывалое, великое, почти чудесное, и это даст человеку право гордиться собою, – воля его победила самое отвратительное и кровавое чудовище – чудовище войны.

Генерал Брусилов, указывая на «чрезмерную доверчивость русского солдата», не верит в искренность солдатанемца, протягивающего нам руку примирения. Генерал говорит в своем приказе:

«На все попытки противника войти в общение с нашими войсками должен быть всегда лишь один ответ – штыком и пулей».

И, видимо, этот приказ исполняется: вчера солдат, приехавший с фронта, говорил мне, что когда наши и немцы собираются между окопами для бесед о текущих событиях, русская артиллерия начинает стрелять по ним, немецкая тоже.

Был случай, когда немцев, подошедших к нашим заграждениям, русские действительно встретили пулями, а когда они побежали назад к себе, их начали расстреливать из пулеметов свои. Я стараюсь говорить спокойно, я знаю, что генералы служат тоже некой своей профессиональной «правде» и что еще недавно эта их «правда» была единственной, обладавшей свободой слова.

Ныне столь же свободно может говорить и другая правда, чистая от преступлений, правда, рожденная стремлением людей к единству и неспособная служить позорному делу разжигания ненависти, вражды, делу истребления людей.

Подумайте, читатель, что будет с вами, если правда бешеного зверя одолеет разумную правду человека?

О полемике

«Новая Жизнь» № 6, 25 апреля (8 мая) 1917 г.

По традиции, созданной в эпоху политики царизма, некоторые журналисты, полемизируя, продолжают употреблять старые приемы, стараются «закатить» человеку, неприятному им, «под душу», «под микитки», «под девятое ребро».

Разумеется – в газете не место спокойным, академическим спорам, но я все-таки думаю, что свободная пресса должна бы развивать в себе чувство уважения к личности, и уж если необходимо уязвить ближнего, то следует уязвлять его тогда, когда он даст достаточно оснований для щипков, пинков, заушений и прочих приемов социальной педагогики.

В борьбе идей вовсе не обязательно бить человека, хотя он и является воплощением и носителем той или иной идеи. Я всемерно и решительно протестую против личных выпадов в полемике, отнюдь не забывая, что и сам был повинен в допущении таковых выпадов.

* * *

Газета «Речь» выражает – скажу – недоумение по поводу моего – якобы скачка от газеты «Луч» к «Новой Жизни». Нахожу необходимым объясниться.

Да, я пытался организовать «Луч» с М. В. Бернацким, П. Г. Виноградовым и другими лицами, которых издавна привык уважать.

«Луч» должен был служить органом радикально-демократической партии. Я принимал некоторое участие и в работах организационного комитета этой партии, будучи уверен, что она необходима в России и должна всосать в себя всю – по возможности – массу людей, которая оставалась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева. Думать об организации такой партии я начал еще в 1910 году; позднее говорил об этом с Г. В. Плехановым и, помнится, он отнесся к этой идее положительно, признал организацию таковой партии нужной.

Организуя «Луч», я сознательно шел на известное самоограничение, на некоторое насилие над самим собой, если угодно. Такое насилие я не считаю преступным, ибо от него страдает только один человек, сам насильник.

Некоторые из моих почтенных товарищей по «Лучу» тоже признавали самоограничение обязательным для себя.

Газета «Луч» не вышла в свет по силе каких-то сложных и темных препятствий. В данное время, когда даже наши конституционалисты «оппозиция его величества» – переродились в республиканцев, – а широкие демократические массы идут за рабочим классом, – я считаю радикал-демократическую партию, пожалуй, уже излишней.

* * *

Вероятно, найдутся праведники, которые не преминут рассказать меня за такую «гибкость», – они, конечно, назовут это иначе. Будучи по природе моей человеком не скупым, я дам праведникам еще несколько материала для сожжения моего на костре пламенных слов. На мой взгляд, человек должен делать все то доброе и нужное, что он может сделать, хотя бы «дело» и не вполне гармонировало с его основными верованиями. Я издавна чувствую себя живущим в стране, где огромное большинство населения – болтуны и бездельники, и вся работа моей жизни сводится, по смыслу ее, к возбуждению в людях дееспособности.

Уже 17 лет я считаю себя социал-демократом, по мере сил моих служил великим задачам этой партии, не отказывая в услугах и другим партиям, не брезгуя никаким живым делом.

Люди, которые деревенеют и каменеют под давлением веры, исповедуемой ими, никогда не пользовались моими симпатиями. Я могу теоретически любоваться их строгой выдержанностью, но я не умею любить их.

Скажу более: я считаю себя везде еретиком. В моих политических взглядах, вероятно, найдется немало противоречий, примирить которые не могу и не хочу, ибо чувствую, что для гармонии в душе моей, – для моего духовного покоя и уюта, – я должен смертью убить именно ту часть моей души, которая наиболее страстно и мучительно любит живого, грешного и – простите жалкенького русского человека. Полагаю, я сказал вполне достаточно для того, чтобы праведники могли изругать меня «на все корки».

* * *

Г. Иванов-Разумник из «Дела Народа» ставит мне в вину, что я подписал воззвание к немецким ученым. Текст этого воззвания я не помню и даже не уверен, что читал его. Моя подпись под ним – одна из тех случайностей, которыми изобилует русский быт и которые объясняются небрежным отношением к человеку. Но я – не оправдываюсь и никого не обвиняю. Я готов подписать и еще воззвание, если только оно порицает участие людей науки в братоубийственной и бессмысленной бойне. Когда наука вторгается или насильно вовлечена в кровавую грязь политики, от этого страдает не только чистота и свобода самой науки, – страдают все лучшие идеалы и надежды человечества, уничтожается разум всего мира.

Закончу все это выражением моего почтения и восторга пред людьми, которые никогда не ошибаются, ничем не увлекаются и вообще ведут себя примерно.

Да святятся имена их!

Кошмар (Из дневника)

«Новая Жизнь» № 13, 3 (16) мая 1917 г.

Маленькая, стройная, элегантно одетая, она пришла ко мне утром, когда в окно моей комнаты смотрело солнце; пришла и села так, что солнечный луч обнял ее шею, плечи, озолотил белокурые волосы. Очень юная, она, судя по манерам, хорошо воспитана.

Ее карие глаза улыбались нервной улыбкой ребенка, который чем-то смущен и немножко сердится на то, что не может победить смущения.

Стягивая перчатку с тонкой руки, глядя на меня исподлобья, она начала вполголоса:

– Я знаю, – мое вторжение дерзко, вы так заняты, ведь вы очень заняты?

– Да.

– Конечно, – сказала она, кивнув головой, сдвигая красивые брови. Теперь все точно на новую квартиру собираются переезжать...

Вздохнула и, глядя на свою ножку, обутую в дорогой ботинок, продолжала:

– Я не задержу вас, мне нужно всего пять минут. Я хочу, чтобы вы спасли меня.

Улыбаясь, я сказал:

– Если человек думает, что его можно спасти в пять минут, он, на мой взгляд, очень далек от гибели...

Но эта женщина, взглянув ясными глазами прямо в лицо мне, деловито выговорила:

– Видите ли, я была агентом охранного отделения... Ой, как вы... какие у вас глаза...

Я молчал, глупо улыбаясь, не веря ей, и старался одолеть какое-то темное судорожное желание. Я был уверен, что она принесла стих, рассказ.

– Это – гадко, да? – тихонько спросила она.

– Вы шутите.

– Нет, я не шучу. Это очень гадко?

Подавленный, я пробормотал:

– Вы уже сами оценили.

– Да, конечно, – я знаю, – сказала она, вздохнув, и села в кресло поудобнее. На лице ее явилась гримаса разочарования. Маленькие пальцы изящной руки медленно играли цепочкой медальона. Солнечный луч окрасил ее ухо в цвет коралла. Вся она была такая веселая, праздничная. Торопливо, сбивчиво и небрежно, как будто рассказывая о шалости, она заговорила:

– Это случилось три года назад... немножко меньше. У меня был роман, я любила офицера, он, потом, сделался жандармским адъютантом и вот тогда... я только что кончила институт и поступила на курсы. Дома у меня собирались разные серьезные люди, политики... Я не люблю политики, не понимаю. Он меня спрашивал. Ради любви – все можно, – вы согласны? Нужно все допустить, если любишь. Я очень любила его. А эти люди такие неприятные, всё критикуют. Подруги по курсам тоже не нравились мне. Кроме одной.

Ее ребячий лепет все более убеждал меня, что она не понимает своей вины, что преступления для нее – только шалость, о которой неприятно вспоминать.

Я спросил:

– Вам платили?

– О, нет. Впрочем...

Она подумала несколько секунд, рассматривая кольцо на своей руке.

– Он дарил мне разные вещи – вот это кольцо и медальон, и еще... Может быть – это плата, да?

На ее глазах явились слезинки.

– Он – нечестный человек, – я знаю. Послушайте, – тихонько вскричала она, – если мое имя опубликуют, – что же я стану делать? Вы должны спасти меня, я молода, я так люблю жизнь, людей, книги...

Я смотрел на эту женщину, и весеннее солнце казалось мне лишним для нее, для меня. Хмурый день, туман за окнами, слякоть и грязь на улицах, молчаливые, пришибленные люди – это было бы в большей гармонии с ее рассказом, чем весенний блеск неба и добрые голоса людей.

Что можно сказать такому человеку? Я не находил ничего, что дошло бы до сердца и ума женщины в светлой кофточке с глубоким вырезом на груди. Золотое кольцо с кровавым рубином туго обтягивает ее палец, она любит игру солнца в гранях камня и небрежно нанизывает слово за словом на капризную нить своих ощущений.

– Из-за любви часто совершается дурное, – звучит ее голосок, как бы повторяя пошлые реплики с экрана синемаатографа. Потом она наклоняется ко мне, ее глаза смотрят так странно.

– Я ничем не могу помочь вам.

– Да? – тихо спрашивает она.

– Я вполне уверен, что не могу.

– Но – может быть.

Она ласково говорит слова о доброте человека, о его чутком сердце, о том, что Христос и еще кто-то учили прощать грешных людей, – всё удивительно неуместные и противные слова.

В разрезе кофточки я вижу ее груди и невольно закрываю глаза: подлец, развративший это существо, торгаш честными людьми, ласкал эти груди, испытывая такой же восторг, какой испытывает честный человек, лаская любимую женщину. Глупо, но хочется спросить кого-то – разве это справедливо?

– Посмотрите, какая я молодая, но последние дни я чувствую себя старухой. Всем весело, все радуются, а я не могу. За что же?

Ее вопрос звучит искренно. Она сжимается, упираясь руками в колена, закусив губы, ее лицо бледнеет, и блеск глаз слинял. Она точно цветок, раздавленный чьей-то тяжелой подошвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.